КРОКОДИЛ

№ 9 (1695) • ГОД ИЗДАНИЯ 41-й • 30 МАРТА 1963

МАМООБСЛУЖИВАНИЕ

Рисунок В. ГОРЯЕВА

ДЕНЬГИ НА ВЕТЕР

Жрецы огня

Речь идет не о каких-нибудь язычниках-огнепоклонниках, не о мифических персонажах, а о вполне живых, современных жрецах, возжигающих костры и поддерживающих неугасимый огонь.

...Верховский леспромхоз Архангельской области. Вот где особенно жарко полыхают костры! До самого неба летят золотые искры. Дым стоит коромыслом. Тут же штатные жрецы — директор леспромхоза тов. Доровских и прочие ответственные лица.

— По какому случаю горят костры? — спрашиваем их.

— Древесные отходы сжигаем,— отвечают.— Ишь, сколько их тут нашвыряли! Ступить некуда... А ну, раз-два, взяли!

И под стройное пение «Гори, гори ясно, чтобы не погасло» в огонь летят горбыли, рейки и прочие драгоценные дары леса.

— *Но разве все это никак нельзя использовать?*

— А возни-то сколько! — парируют жрецы.— Нет уж! Так проще и спокойнее. Спалим все это добро — и двор примет культурный вид. Может, еще за чистоту и премию дадут... А чего вы удивляетесь? Одни мы, что ли, отходы сжигаем?

Ох, если бы одни! К сожалению, нет.

Мы на втором Архангельском лесопильном комбинате. Здесь не видно костров. Хотя материал для них имеется: двор комбината буквально забит чурбаками, досками и прочим древесным товаром. Ободравши бока, пробираемся к директору комбината Константину Васильевичу Тарасову.

— Ну и завалена у вас территория! Не пробьешься!

— Ничего! — утешает он.— Дайте срок, расчистим дворик.

— Используете отходы?

— Конечно. Небу жарко будет!

— Небось, тару будете изготовлять?

— Не подходит! — решительно говорит директор. — Знаем. Раньше занимались этим неблагодарным делом, готовили клепки для бочек, дощечки для ящиков, а потом бросили. Хлопотно и невыгодно. Кому невыгодно? Нам, конечно, предприятию.

Видно, много леса у северян, если они его так транжирят. Может, в южных краях по-другому относятся к народному добру? Уж там, наверное, каждую щепочку к делу приспособят. Поглядим, как обстоит дело, скажем, в Азербайджане.

Поглядели. Увы, и на здешних деревообделочных заводах отапливают воздух отходами, вполне годными для изготовления тары. А между тем клепки и дощечки для той же тары завозят сюда с Урала и Волги.

Ясным пламенем горят костры. В дым и хладный пепел превращаются опилки, кора, доски и горбыли.

Это горят целлюлоза и спирт. Бумага и картон. Древесные плиты и фурфурол, из которого делают нейлон.

Это горят ваши чулки, уважаемые читательницы! Ваши парадные рубашки, дорогие читатели! Ваши тетрадки и книжки, малыши! Красный петух ежегодно пожирает около ста миллионов кубометров древесины. *Подсчитано, что, используя только половину отходов, мы экономили бы в год... 350 миллионов рублей!*

Да, дороговато обходится пища для красного петуха. Удушить бы его, проклятого, уморить бы *голодом!*

Пытались. Ничего не вышло. Ни институт леса Академии наук СССР, ни бывшее Министерство лесного хозяйства не одолели прожорливую птицу. Много было вынесено решений по этому вопросу, много придумано хороших предложений. И все они похоронены в архивах. А жрецы огня по-прежнему подкидывают в костры горы опилок, досок и прочего добра.

Мы, в общем-то, не против костров. Иногда не прочь полакомиться испеченной в золе горячей картошкой. Развести, знаете ли, этакий аппетитный огонек на берегу реки и сварить двойную ушицу. Но когда в кострах сгорают миллионы рублей,— это уж, извините, не те костры.

А любопытно: что по сему поводу думают в Государственном комитете по лесной, целлюлозно-бумажной, деревообрабатывающей промышленности и лесному хозяйству?

Б. ОЛЬГИН

У ДВЕРИ ПО ПОНЕДЕЛЬНИКАМ

Коридорчик был так себе, довольно затоптанный.

— Откуда ему быть чистым,— сказала уборщица, — когда тут целый день тыща посетителей толчется! Нешто за ними затрешь!..

Сегодня мы тоже тут топчемся. Сегодня понедельник.

Мы — это инвалид дядя Сеня, гражданка Рулева, еще гражданка пенсионного возраста — всего человек сорок. Народ, в общем. Ходим туда-сюда.

А он сидит там.

А между нами дверь. Не простая дверь, а высоченная, до самого потолка. Цвета слоновой кости и с резными загогулинами. И с медной ручкой. К ней хочется обращаться с почтением: уважаемая дверь. Тем более, что на ней табличка: «Прием посетителей по понедельникам с 10 до 5».

Однако в десять приема нет. Нет его и в одиннадцать, нет и в двенадцать.

А народ томится.

А за дверью слышно: «Бу-бу-бу, бу-бу-бу...» Заседание, что ли?

А в коридоре свое заседание. Вернее, не заседание, а так, печки-лавочки. Потому что без председателя. Председатель Кировского райсовета города Уфы тов. Кильдебеков — там, за дверью. Бубукает, волокита его закрути, со своим заместителем Ахуньяновым.

— Который раз к нему прихожу,— говорит гражданка Рулева.— И весь-то вопрос — дать заключение, что дом аварийный. Тогда бы нам на работе квартиру дали. А вот волокитит: ни да, ни нет.

— Мочи нету, с утра сижу,— сказал дядя Сеня.— Неделю ждал приема, а тут терпение лопнуло.— И, пожелав товарищу Кильдебекову увидеть во сне черта, он удалился.

— Не успеет он всех принять!—заметила гражданка пенсионного возраста.— Говорят, пропускная способность кабинета — сорок человек в смену. А скоростные методы еще не придуманы.

Заволновался народ. И тут как раз дверь открывается. Выходит сам товарищ Кильдебеков. Высокий и солидный.

— Эт-та что, — говорит, — за беспорядки? Ну-ка садитесь все по местам! Сели? А теперь, кто по жилищному вопросу — давай ко мне в кабинет.

Народу, конечно, повалило много. Потому что большинство именно жилищным вопросом интересуется. Расселись все чинно, руки на коленочках держат. И процедура началась.

— Вы откуда? — спрашивает товарищ Кильдебеков.

— Я с завода.

— Вот на завод и обращайтесь. Пусть он вас обеспечивает. А вы откуда?

— Я из экспедиции.

— Вот в экспедицию и обращайтесь. Пусть она вас обеспечивает.

Таким манером разделался товарищ Кильдебеков с очередью за полчаса. И утверждение старушки насчет скоростных методов оказалось совсем неправильным.

А поскольку время еще оставалось, то и решили мы узнать дальнейшую судьбу заявлений граждан. Неужто на этом все дела и кончаются?

Прежде чем попасть к председателю, надо попасть в специальную книгу. Попасть в книгу — это хорошо! Тогда через неделю, глядишь, попадешь на прием.

Все графы есть в книге. И по какому вопросу пришел, и состоишь ли на очереди, и каков состав семьи и характер жилплощади, и когда был на приеме, и сколько раз намереваешься приходить впредь.

Эта книга — зеркало. В нем должно быть видно, зачем идут к председателю. Только зеркало мутно, как в бане третьего разряда.

И графы эти — тоже филькина грамота. Потому что никого они не интересуют и никто их не заполняет. Бухгалтер жилуправления Кудермятова записывает только фамилию и адрес. А председатель уже потом ставит супротив большой убедительный крест. Значит, был человек на приеме, засвидетельствовал свое почтение. Может, это и еще что-нибудь значит.

А зачем он нужен, этот крест? Неужели товарищ Кудермятова сама не могла посоветовать гражданам обращаться по месту работы? Ведь в жилищных вопросах она разбирается. Зато посетители не тратили бы драгоценное время в бесполезном ожидании у двери.

Иногда товарищ Кильдебеков ставит и другие пометки: «Разъяснено», «Дано разъяснение», а то и просто «Дано». Что именно дано и в каком количестве — не говорится.

Разве, кроме председателя, в райисполкоме некому давать разъяснения? Скажем, заместителю или депутатам? Тогда, глядишь, и не пришлось бы прибегать к скоростным методам.

— Товарищ Кильдебеков, товарищ Кильдебеков! А вот кому ничего не «дано», зачем они к вам приходили? Ведь они тоже записывались, ждали неделю!..

— Разве всех упомнишь!.. Наверное, по жилью...

— Может, не по жилью?

— Может, не по жилью.

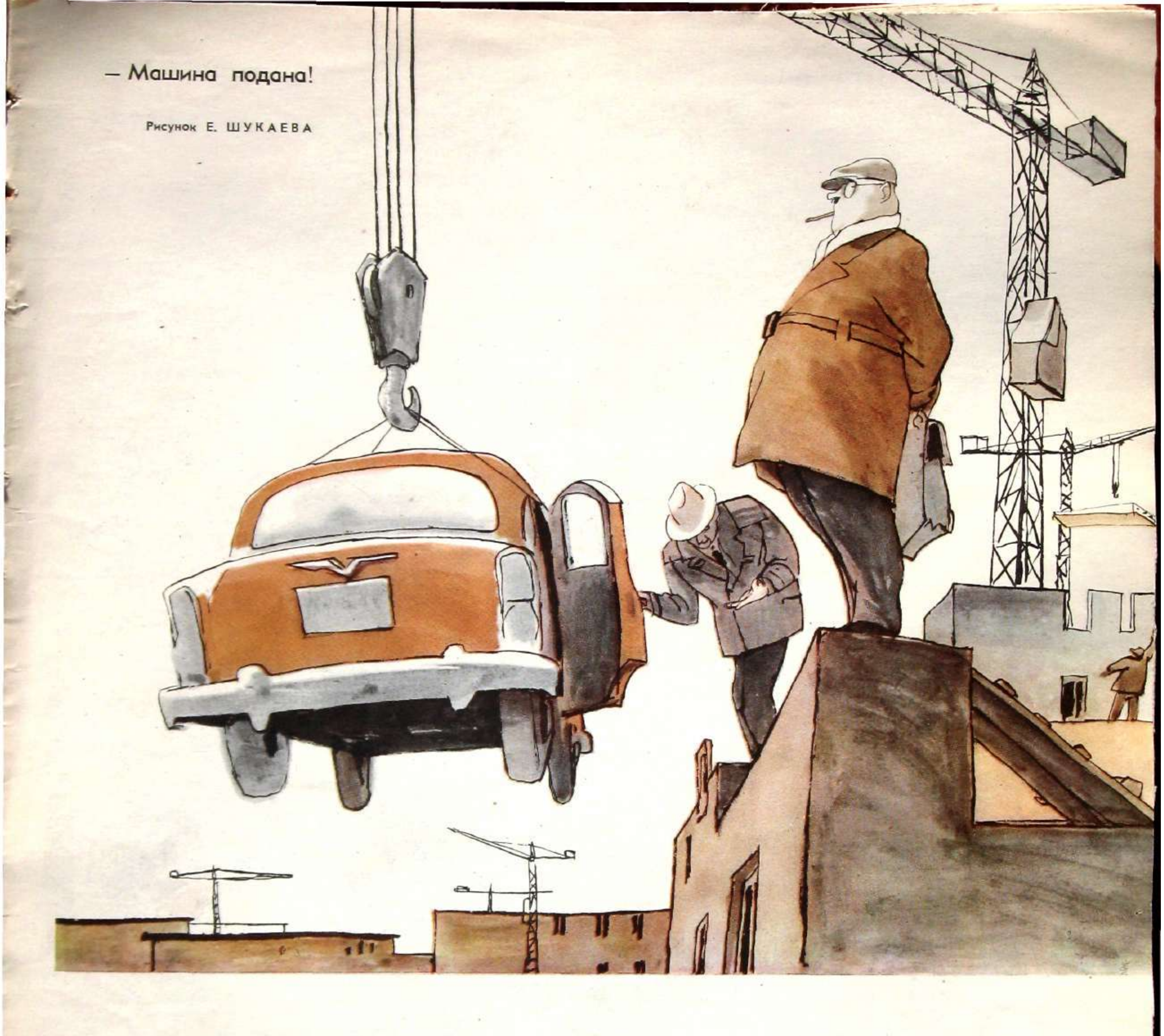
— Может, где еще в райисполкоме остались следы их посещения? Как же так: пришли и ушли? Может, вы им помочь обещали?

— Все может быть. Только следов больше никаких нет.

...Рабочий день закончился. Мы идем по опустевшему коридору к выходу. И тут обнаруживаем, что следы все-таки остались. На оранжевых, выкрашенных масляной краской половицах довольно четко отпечатались следы посетителей. Тут и валенки дяди Сени, и галоши Рулевой, и ботинки гражданки пенсионного возраста, и десятки других следов. Все они ведут прочь. И уборщица уже начала их смывать лохматой, дымящейся на морозе тряпкой...

Н. АНДРЕЕВ

г. Уфа.

— Машина подана!

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Мих. РАСКАТОВ

Случай с ученым

Науку двигал он когда-то,
Ни сердца не щадя, ни рук.
Он был когда-то кандидатом,
Теперь стал доктором наук.

Завершена с успехом тема —
Науки важное звено.
Отныне новая проблема
Пред ним маячить стала.
Но...

Едва банкет традиционный
Успел закончиться, как вдруг
Наш доктор новоиспеченный
Был отвлечен от всех наук.

Случилось это так:
Сначала
Он, не жалея чувств и сил,
По просьбе радиожурнала
В эфире полчаса парил,

А вскоре после выступленья
За приглашеньем приглашенье
Наш доктор начал получать
(Артисту модному подобно).
И было очень неудобно
Хорошим людям отказать...

Свой дом забыв довольно скоро,
Он тихо бредил по ночам:
«Дом журналиста...
Дом актера...
Дом комбайнера...
Дом врача...»
Под утро вскакивал с постели
(Толкал его какой-то бес).
«Дом инженера...
Дом моделей...
Там — с диафильмами,
Тут — без...»

Забыв умыться, полотенцем
Лицо сухое вытирал.
«Детдом... Детсад...
И Дом младенца...
Коопремонт...
Речной вокзал...»
Витал он долго и покорно
Вдали от всех научных дел
И только в жанре разговорном
За это время преуспел.

...Мелькнули месяцы и годы.
Нам довелось на днях узнать,
Что клуб любителей природы
Он где-то начал возглавлять.

Он ждет уже второго внука,
Он добрый тесть и нежный дед.
Все есть — науки только нет.

. . . .

Его пример — другим наука!

ОПЯТЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ!..

Вообще-то, говоря честно, не двадцать пять, а двадцать один. Но из поговорки, как из песни, слова не выкинешь. А двадцать один — это уже точно.

Ровно двадцать один вопрос задает анкета Украинского добровольного общества охотников и рыболовов тем, кто возымел желание вступить в монолитные ряды любителей ершей и куропаток.

Вопросы наиважнейшие, связанные непосредственно с охотой и рыболовством:

партийность,

награждения,

находился ли на территории, временно оккупированной немцами...

Правильно! Ежели партийный — на лютого зверя должон идти, ежели беспартийный — куропатками можешь побаловаться. Или, скажем, награжден — забрасывай удочку на карася. Не заслужил еще — лови ершей, а о карасе и мечтать не моги.

Чтобы был порядок.

Охотники до порядка окопались не только в Украинском обществе охотников и рыболовов. Есть представители этого сверхлюбознательного племени и на Харьковской АТС.

Начальник этого почтенного учреждения тов. Лытов изготовил для дорогих его сердцу абонентов анкету. Анкета предназначена для утилитарной цели: включить фамилию абонента в справочник городской телефонной сети, дабы друзья и родственники могли поддерживать неразрывную связь с абонентом.

Но тов. Лытову этого мало. И в анкету, где достаточно было бы ограничиться фамилией, инициалами и адресом, включаются еще дополнительные пункты, следуя которым абоненты должны дать обязательства:

«1. Уплачивать абонплату.

2. Сохранять аппаратуру, приборы и абонентскую линию, установленные в занимаемой жилплощади, с полной материальной ответственностью.

3. Выполнять правила пользования местными телефонными сетями Минсвязи СССР».

Эти обязательства еще должны быть удостоверены личной подписью управдома. И скреплены печатью.

Правильно! Правильно, но неконкретно. Что значит «сохранять аппаратуру, приборы...»? Нужно расшифровать эти пункты. Дескать, обязываюсь: телефонной трубкой орехов не колоть, на проводе белья не развешивать и т. д. Тогда будет ясно. Вообще хорошо бы опутать сетью обязательств всех без исключения лиц, служащих в государственных учреждениях, не говоря уже о частных лицах. Скажем, начальник Харьковской АТС тов. Лытов дает обязательство Министерству связи: «На письменном столе котлет не рубить; лампой гвоздей не забивать; в чернильницу не плевать и т. д.».

Скажете — нелепо? Ну и что же! Зато проявлено служебное рвение. И даже сверх того, что требует здравый смысл.

Б. МИХАЙЛОВ

Дмитро БЕЛОУС

АКТОМ ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ

— Гнат Кузьмич, зайдем закусим
Тем, что в доме есть.
Мне сдается,— пахнет гусем...
Окажите честь!

Вот... Живем таким манером:
Жарим гусака!
Хоть колхоз миллионером
И не стал пока...

В дом вошли.— Жена, устрой-ка!..
— М-да, обед не худ:
Гусь, колхозных уток тройка,
С чем-то там сосуд...

Гнат Кузьмич доволен очень.
Кашлянул, присев...
(Гнат Кузьмич уполномочен
Здесь ускорить сев.)

Голова — хозяин чуткий
Гостю лил да лил.
Час прошел... Поплыли утки,
И гусак поплыл.

— Как закуска в нашем доме?
Правда, в самый раз?..
Вы уж, Гнат Кузьмич, в районе
Не ругайте нас!

...Недостача птиц не горе.
Гибель их как факт.
Тем же вечером в конторе
Узаконил акт:
«Мая 5-го у лужи
Сгрыз трех уток хряк,
И с испугу в ней к тому же
Утонул гусак».

Перевел с украинского
Валентин КОРЧАГИН.

— Я тебя совсем не узнаю! Ведь до того, как мы затеяли ремонт, ты капли в рот не брал...

Рисунок И. СЕМЕНОВА

История болезни

За третьей чашкой чая, когда все новости были разобраны и обсосаны, как раковые шейки, заговорили о болезнях. Замечено, что среди людей, переваливших за некий десяток, эта тема неизменно вызывает здоровый интерес. Заговорили даже самые молчаливые. Перечисляли все органы, внутренние и внешние, описывали поразительные симптомы разных недугов, поругивали врачей и приводили примеры чудесных исцелений.

Дождался своей очереди и тишайший Василий Васильевич.

— Болезнь, о которой пойдет речь,— начал Василий Васильевич,— относится к разряду наиболее таинственных, так называемых «нервных». Как ее лечить, никто не знал. Все врачи руки опустили. А ваш покорный слуга взялся и... вылечил.

Тут все слушатели обменялись усмешками, но Василий Васильевич не обиделся и продолжал рассказывать со свойственной ему обстоятельностью и невозмутимостью:

— Года четыре назад пришел к нам на завод молодой специалист по фамилии Букашкин, этакий аккуратный мальчик с новеньким дипломом в кармане и чарующей улыбкой на устах. Никакими особенными талантами он не выделялся, но и ничего худого о нем сказать нельзя было. Работал старательно. И еще любил выступать на собраниях с разного рода предложениями и замечаниями. Говорил он бойко, блистал эрудицией и, в общем, производил благоприятное впечатление.

Получили мы вскоре очень важный заказ, и по сему поводу состоялось у нас собрание актива. Присутствовал на нем сам начальник главка. Среди прочих выступил и Букашкин. Как всегда, говорил он гладко и убедительно. И вот во время его речи начальник главка наклонился к уху нашего директора и что-то долго шептал, кивая на оратора.

Какие именно слова прошептало начальство, не знаю, но, как стало нам известно, смысл их был таков: «Толковый парень. Таких выдвигать нужно!»

Короче говоря, после этого собрания стали нашего Букашкина двигать вверх по служебной лестнице. Не прошло и года, как он возглавил один из самых крупных отделов. Появился у него кабинет, хотя и небольшой, с тонкими стенками, но все же отдельный, с креслом и телефоном. Вот с переселением Букашкина в отдельный кабинет и связано начало его болезни.

Однажды вызвал он к себе машинистку, которая только что отпечатала ему какую-то бумагу, и, не поднимая глаз, спросил:

— Что здесь должно стоять?

— Где? — заинтересовалась машинистка и наклонилась над столом.

— Вот после этого слова,— показал Букашкин на конец фразы.

— Точка.

— А где эта точка? Кто за вас будет ставить точки? Кто из нас машинистка — я или вы?

— Эта точка случайно не отпечаталась,— объяснила машинистка,— ее можно от руки поставить.

Какой там дальше был между ними разговор, неизвестно, но из кабинета вдруг раздался такой рев, какого на заводе сроду не слыхивали. Сбежались сотрудники и увидели, что Букашкин стоит бледный, размахивает кулаками и вопит: «Вон! К чертям! Бракодельщица! Тунеядка!»

Машинистка, конечно, в слезы. Хотела подавать заявление в завком, чтобы привлекли Букашкина за оскорбление, но ее уговорили не поднимать шума, и дело замяли. Однако с тех пор пошел по заводу слух, что Букашкин болен. И это было похоже на правду. Чем дальше, тем болезнь все больше входила в силу. То и дело из кабинета доносились болезненные крики: «Убирайтесь! Выгоню! Лодыри!»

Был я тогда заместителем председателя завкома и решил сам с Букашкиным поговорить. Пригласил его к себе. На всякий случай убрал со стола чернильный прибор и другие вещи, которые потяжелее, чтобы под руки ему не попались...

Пришел. Гляжу на него: вроде бы человек как человек — тихий, смирный. И голос нормальный, и слушает внимательно. Признает, что виноват, и все ссылается на нервы. «Издергали,— говорит,— меня, ночей не сплю, как что не по мне — не могу сдержаться». В таком случае, заключаю я, нужно вам лечиться. Если не хотите более крупных неприятностей, отправляйтесь в нашу поликлинику к невропатологу.

На том и договорились. Пошел он к врачу. Тот его по коленкам постукал, на животе какой-то чертеж изобразил — одним словом, привел в действие всю свою магию и прописал Букашкину микстуру, пилюли, хвойные ванны и электрический зонтик на голову. Я потом с доктором беседовал, интересовался. Он мне минут пятнадцать разные латинские слова говорил и в конце концов признался, что нервные болезни — дело темное и за полное выздоровление Букашкина он не ручается.

Когда врачи говорят, что они не ручаются, то большей частью угадывают. После хвойных ванн и электрического зонтика стал наш Букашкин еще более лютым. Даже старые, всякое повидавшие работники, перед тем как войти к нему в кабинет, чуть ли не крестились.

Дошло дело до парткома. Докладывать пришлось мне. И выдвинул я на этом заседании свою медицинскую теорию. Начал с того, что, к удивлению многих членов парткома, взял Букашкина под защиту. Он, говорю, не виноват. Это у него организм такой. Секретарь парткома поморщился и подает реплику: «Объясни, не понимаю». Пожалуйста, говорю. Есть у некоторых людей такая аномалия в организме, называется идиосинкразия. Проявляется она по-разному. Один, к примеру, поест клубники, и у него по всему телу зуд начинается. Другой свинины не переваривает — стоит ему кусок проглотить, сразу душу выворачивает. У третьего от помидоров сыпь выступает...

Тут меня секретарь парткома прервал и говорит: «Василий Васильевич, давай ближе к делу. У нас здесь не медицинская конференция». Я ответил, что приблизился к делу вплотную. По моим личным наблюдениям, бывает еще идиосинкразия психическая. Проявляется она у некоторых работников в том, что не выносят они никакой руководящей должности. Стоит такому больному сесть в кресло начальника, как тут же высыпает у него наружу самодурство, грубость и хамство. И дело вовсе не в обычной нервности. Взять хотя бы того же Букашкина. Ведь болеет он только в тех случаях, когда имеет дело с подчиненными. Но стоит ему предстать перед глазами любого руководителя повыше, болезнь как рукой снимает. Отсюда и делайте вывод...

«Что же ты предлагаешь?» — спрашивает секретарь парткома. Предлагаю, говорю я, пожалеть Букашкина и вылечить его радикально. Поставим его в такие условия, чтобы над ним были одни начальники, а под ним — ни одного подчиненного.

Многие члены парткома поддержали мой курс лечения. Но директор восстал. «Я,— говорит,— уважаю Василия Васильевича как инженера, но к его медицинскому авторитету отношусь подозрительно. Если мы будем всех крепких работников снимать за крепкие слова, то это нам дорого обойдется. Со мной в совнархозе один товарищ иногда так разговаривает, хоть уши затыкай, что же прикажете делать?»

Развернулась на парткоме оживленная дискуссия, но директора переспорить нам не удалось. Поняли мы, что он боится начальника главка: как бы тот не разгневался за расправу над его выдвиженцем.

Так я и не смог бы вам доложить об эффективности моего медицинского открытия, если бы не помог случай...

Мы как раз заканчивали тот важнейший заказ, о котором я вам говорил, и от всяких представителей у нас отбою не было. Приехал и начальник главка. Зашел он в отдел к Букашкину, а того, как на грех, на месте не оказалось. Захватил начальник главка одного из букашкинских сотрудников, скромного такого техника Васютина, и отправился с ним к стенду, где заканчивали сборку главного узла.

Узел, который там собирали, был величиной с трехэтажный дом. Для удобства сборки под ним траншею вырыли, глубокую и длинную. Вот в эту траншею и забрались руководитель главка вместе с Васютиным, чтобы получше разглядеть систему охлаждения.

В это время вернулся в свой кабинет Букашкин. И срочно ему понадобился Васютин. А Васютина нет. «Где этот лодырь?!» — гремит Букашкин. Кто-то из сотрудников отвечает: «Ушел на стенд». А про то, что ушел он с начальником главка, все, видимо, из недобрых чувств, промолчали. Букашкин взвился, будто под ним костер разложили: «Зачем пошел?! Какого черта ему там делать?! Шляется бездельник!!» И чтобы поймать Васютина с поличным, выскочил Букашкин из кабинета и помчался к стенду.

В траншее яркие лампы горят, свет прямо в лицо, что там за люди, не разглядеть. Букашкин наклонился и заорал: «Гоните оттуда в шею Васютина! С кем это он там лясы точит?! Гоните лодырей к чертовой бабушке!» Он кричит, а ему никто не отвечает. И Васютин ни с места. Букашкин перешел на визг,— такой припадок выдал, какого давно не было. Дальше все было, как в театре. Вылезают из траншеи начальник главка и Васютин. Букашкин обмяк. Начал он что-то лепетать, а начальник смотрит на него, как на пустое место, и прямым ходом к директору.

Потом уже секретарша директора передавала слова начальника главка, доносившиеся из кабинета: «Как вы такого хама держите на ответственной работе?! Как вы позволяете ему унижать достоинство своих сотрудников?! Кто вздумал выдвигать его?!»... Что отвечал директор, слышно не было.

На другой же день предложенный мной метод лечения был претворен в жизнь. Превратился Букашкин в рядового инженера. Нет у него теперь подчиненных. И, представьте себе, вылечился! С тех пор ни одного срыва или взрыва. Тихий такой ходит, симпатичный. И жена его нас благодарила: совсем, говорит, другим человеком стал... Вот вам история одной болезни.

Тут все слушавшие Василия Васильевича согласились с ним, что нервные болезни — действительно самые таинственные.

г. Ленинград.

Дел хоть отбавляй!..

Погода летная

Февральским утром в редакции Крокодила раздался звонок:

— Говорит Барнаул. У телефона директор завода искусственного и синтетического волокна.

— Здравствуйте, товарищ директор!

— Здравствуй, дорогой Крокодил! Не забыл своих подшефных?

— Как же можно забыть! Ведь вместе и капрон осваивали и целлофан. Что новенького?

— Новенького? Штапель!

— А как у вас погода?

— Погода летная.

— Все ясно! — сказал Крокодил и в тот же день с вилами в одной руке и с пишущей машинкой в другой приземлился в Барнауле.

«Крокодил на подшефной стройке»

Так называется сатирическая газета, которую выпускает Крокодил на барнаульском заводе.

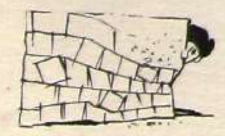
Я по делам неоднократно
Бывал в различных областях,
Но мне особенно приятно
Быть третий раз у вас в гостях.
Ведь я не гость, я здесь, как дома,
Мне на заводе все знакомо,
Я изучил со всех сторон
И целлофан ваш и капрон.
Хочу, чтоб мимо недостатков
Никто из вас не проходил.
Договорились? Все в порядке!
Я снова с вами.
Крокодил.

Это были первые слова, произнесенные Крокодилом в день приезда. Теперь надо было переходить от слов к делу. А дел хоть отбавляй!

Сейчас на заводе вступает в строй первый из пяти штапельных агрегатов. Сначала надо обучить людей, проверить машины, а потом пускать и остальные агрегаты. Десятки тонн штапельного полотна в день будет давать завод. Штапель с успехом заменит шерсть тысяч баранов.

Дешевые и нарядные штапельные ткани нравятся женщинам, нарядные женщины нравятся мужчинам.

Но вернемся к нашим баранам. Бараны пока еще жалобно блеют. У них для этого есть все основания: шерсть пока еще нужна.

Качество переходит в количество!

Да, да, не удивляйтесь — именно так, а не наоборот.

Работала в прядильно-отделочном цехе бригада «Химзащиты» под руководством тов. Белькова. В ведомости на зарплату все расписывались очень аккуратно, а вот стену в цехе выложили так, что глядишь на нее и невольно вспоминаешь популярную песню «Шумел камыш, деревья гнулись». Стенку придется перекладывать. Качество работ переходит в их количество.

Рабочие «Сантехмонтажа» сваривали в химцехе трубопроводы, но, как говорится, чего-то «недоварили»: при первых же испытаниях вода залила все камеры. Неделю пришлось расхлебывать.

Кто же отвечает за качество работ? Прежде всего человек с громким титулом «генеральный подрядчик» — А. Г. Злобинский. Деловые качества его вне сомнения: и в производстве разбирается и организатор неплохой. Заедает количество — количество субподрядчиков. Тут тебе и «Монтажлегмаш», и «Промвентиляция», и «Монтажхимзащита», и так далее.

— За всеми не уследишь,— говорит Злобинский.

А надо бы! Ведь на то и генподрядчик, чтоб субподрядчик не дремал. Только зазеваешься — уже шум, крики и ссоры.

Как поссорились Иван Осипович с Виктором Александровичем

Работают в штапельном корпусе И. О. Писько и В. А. Грефенштейн. Оба заслуженные люди, оба начальники участков. Иван Осипович строительные работы ведет, а Виктор Александрович за сантехнику отвечает.

Жили они раньше душа в душу, работали слаженно. И сами довольны были и свое непосредственное начальство радовали. И вдруг вся дружба к черту. Не то чтобы один другого «гусаком» обозвал, нет. Все началось из-за дырок. Да, да, из-за дырок для водопровода и канализации. Иван Осипович говорит:

— Ты мне сначала трубы подведи, а я уж потом тебе дыру просверлю!

А Виктор Александрович ему в ответ:

— Нет уж, Иван Осипович, ты мне сначала дыру сделай, а потом уж я тебе трубу подведу.

Целыми днями спорят, что раньше делать: сверлить или подводить. И подводят. Подводят стройку со сроками.

— Ты,— кричит Иван Осипович,— перегородки в душевых должен делать!

— Нет! — еще пуще кричит Виктор Александрович.— Не делал их и делать не буду!

Он показывает Ивану Осиповичу документы и чертежи. А тот ему — свои чертежи и документы. Работа стоит, зарплата идет, а им все никак не разобраться. Одна надежда, что рассудят их во вторник на очередной планерке.

А судьи кто?

Старожилы-заводы вспоминают, что когда-то на эти совещания приходили люди компетентные, ответственные. Немного их было, но все узловые вопросы решали быстро и по-деловому.

А теперь как? Соберется человек сто, а то и двести прорабов, мастеров.

И в горячие дни
Спорят с пылом они,
Жарко.
А в цехах ералаш:
Остановлен монтаж,
Сварка.
Не жалея минут,
Разглагольствуют тут
С чувством.
На планерке — народ,
В цехе, наоборот,
Пусто.

Сидят часами, курят и слушают, кто кому дырку не пробил, кто чего не довинтил, кто чего недошурупил. Слушают и курят. И получается не оперативная «летучка», а массовый перекур с сохранением зарплаты.

— Позвольте, позвольте! — скажет нам читатель.— Не слишком ли много критики? Насколько я понял из вышеизложенного, Крокодил приходится барнаульскому заводу шефом по линии Большой химии, а шефы должны быть добрыми. На то они и шефы.

Будь добр, Крокодил!

Да, шефы, как правило, добрые. То школе какой-нибудь ненужный станок подарят — изучайте, мол, детки, новую технику. То, «шефствуя важно, в спокойствии чинном», пройдутся по подшефным полям, руки передовикам пожмут. То библиотеку подшефным подберут, то за них картошку уберут.

А что делать Крокодилу? Библиотека у подшефного приличная, станки новенькие, а передовиков столько, что если каждому руку пожимать, то и шефствовать некогда будет.

Как же Крокодилу свою доброту проявить? Оказывается, можно.

— Будь добр,— сказали барнаульцы,— помоги нашему заводу автоклавы получить.

— Ну что ж, попробую.

Куда тянутся нити

Уже несколько лет выпускают барнаульцы капрон. Тонкая была первая ниточка, коротенькая, а сейчас аж до самого Ярославля дотянулась. Ярославские шинники из капронового корда покрышки делают.

Тянулась-тянулась ниточка — и вдруг оборвалась. За восемь месяцев прошлого года недодал барнаульский завод ярославцам 420 тысяч квадратных метров кордной ткани.

Стали мы допытываться, в чем причина. И привела нас ниточка прямо в Пензу, на завод химического машиностроения. Еще в декабре 1960 года заключил он с барнаульцами договор на изготовление двух автоклавов большой емкости. Будут автоклавы — будет и высококачественный корд, который так нужен ярославцам.

Все просто и ясно. Подписали договор, срок назначили — конец 1961 года. И пошла вовсю работа. Только не на заводе, а на телеграфе. «Когда получим автоклавы?» — спрашивают барнаульцы. «Скоро,— отвечают пензенцы,— уже запущены в работу». И в конце телеграм-

мы три ответственные подписи: директор завода Селезнев, его заместитель Кувшинов и главный инженер Шинкаренко.

Летят дни, летят месяцы, летят новые телеграммы. Автоклавов и в помине нет.

Через три года не выдержали нервы у барнаульцев. Презрев преимущества телеграфной связи, начальник капитального строительства Г. В. Кудрявцев сел на самолет и полетел в Пензу. Там он своими глазами убедился в том, что автоклавы «запущены». «Запущены» настолько, что дай бог, если хоть один из них будет сделан к трехлетнему юбилею со дня подписания барнаульско-пензенского договора.

Барнаульцы издавна делят своих поставщиков на «ответственных» и «безответственных». Ответственные — это те, которые хоть на телеграммы отвечают, ну, а безответственные — сами понимаете...

Московский завод «Компрессор» уже около года оставляет без ответа все запросы барнаульцев. «Где обещанные для химцеха холодильные установки?» — взывают заказчики. Молчание. Барнаульцы мечут громы в адрес заместителя директора завода тов. Крутикова и по тому же адресу посылают «молнии». Но в Москве, на улице Энтузиастов, где расположен завод «Компрессор», царит безмятежное спокойствие.

И одно из двух остается: либо выполнить наконец заказ барнаульцев, либо просить Мосгорисполком переименовать улицу Энтузиастов. А то как-то неудобно получается.

Куда пойти вечером?

Этот вопрос ежедневно задают себе тысячи рабочих барнаульского завода. Может быть, сегодня «состоится вечер вальса в нашем клубе заводском»? Нет, не состоится. Клуба нет. Заложили год назад фундамент, дошли до нулевой отметки — и все. Фонды, говорят, не успели освоить. Так и застыла культура на нуле.

А может быть, потанцевать в общежитии, в красном уголке? Ишь, чего захотели! Там на каждый квадратный метр десять танцующих единиц приходится.

Может, в кино сходить? Попробуйте! На весь Поток — барнаульские Черемушки — один кинотеатр. А на Потоке 60 тысяч новоселов.

Что остается молодежи? Бродить по улицам и песню петь:

Над вечерним Барнаулом
Фонари зажглись давно,
Ты немножечко взгрустнула,
Что билетов нет в кино.

Перед нами в общежитии
Комендант захлопнул дверь.
Ах, скажите, подскажите,
Что же делать нам теперь?

Так и бродим целый вечер
Я с тобой, а ты со мной.
Ну, а завтра снова встречу
Я тебя у проходной.

Песню, конечно, легче сложить, чем клуб. Но барнаульские химики надеются, что и на их улице будет праздник. И будет он в новом красивом клубе по соседству с новым кинотеатром. И, может быть, шефствовать над барнаульцами будет тогда не Крокодил, а Малый театр. Или даже Большой.

А Крокодил приедет в гости просто так, оставив свои вилы в Москве.

Выездная редакция Крокодила на Барнаульском заводе искусственного волокна: А. НИКОЛЬСКИЙ, В. КОНСТАНТИНОВ, Б. РАЦЕР и А. ЦВЕТКОВ

ИНСПЕКТОР ПРОИЗВОДСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: — В остальном, товарищи, вы можете проявлять полную инициативу!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Рубай, читатель!

За своим рабочим столом я снаряжал гильзы, готовясь к не такой уж далекой вальдшнепиной тяге. Вдруг меня спросили:

— Папа, скажи, пожалуйста, что такое «толковище»?

Это дочь, школьница, комсомолка. Она любит задавать вопросы.

— Токовище? — переспросил я.— Дочери охотника полагалось бы знать. Токовище — это место, где собираются токующие птицы. Глухари, например, или тетерева...

Но отделаться от любознательного ребенка не так-то просто.

— Не токовище, папа, а толковище.

Такого слова я не знал. Надо было как-то спасать свой родительский авторитет.

— А в каком контексте употреблено это слово? И вообще покажи, что ты там читаешь?

— Пожалуйста.

И дочь протянула мне журнал «Юность» с повестью В. Аксенова «Апельсины из Марокко».

Отодвинув в сторону охотничьи принадлежности, я углубился в чтение. Боже, сколько тут было загадок! Когда-то меня хвалили за успехи в русском языке, и, как теперь выяснилось, хвалили напрасно. Надо было ставить мне двойки по русскому, тогда, может быть, я не оказался бы в столь глупом положении. О, этот злосчастный либерализм педагогов, сколько вреда он причиняет!

Обложившись словарями, я пытался самостоятельно расшифровать непонятные слова и выражения. Брокгауз и Ефрон, Даль, Ушаков, Ожегов... Оказывается, и они совсем не корифеи русского языка, а всего лишь дилетанты. Выяснилось, что и они не могут мне ничем помочь. Тогда я стал звонить специалистам различных отраслей науки и знаний. В разные организации и учреждения. К счастью, всюду отнеслись к моим вопросам сочувственно. Особенно в МУРе. Любезность работников угрозыска простерлась так далеко, что они не поленились вызвать из камеры известного московского карманника Гришку Косого, который в особо трудных случаях консультировал меня по телефону лично.

Расшифровка заняла три дня. Не желая, чтобы мои труды пропали даром, я решил предать результаты изысканий гласности и опубликовать нечто вроде словарика к повести В. Аксенова. Вот он, этот словарик. В кавычках я даю слова и отдельные фразы из повести, а без кавычек — их толкование.

«Припухал» — вел жалкое существование.

«Смылась» — ушла, отправилась куда-то, исчезла.

«Фигушки» — отрицание.

«Заливать» — сообщать какие-нибудь достоверные факты с прибавлением доли собственной фантазии.

«Ханурики» — господа, джентльмены, товарищи по работе.

«Кемарили» — почивали, находились в объятиях морфея.

«Рубай» — кушай, угощайся.

«Полбанки» — 0,5 литра какой-нибудь жидкости.

«Поллитровочка «столицы» — 0,5 литра алкогольного напитка «Столичная».

«Толковище» — место или время выяснения отношений перед началом драки, кулачной расправы и т. п.

«Владик» — город Владивосток, административный центр Приморского края, местонахождение совнархоза Дальневосточного экономического района.

«Думали во Владике барыгам забодать» — рассчитывали во Владивостоке сбыть приобретенные нечестным путем вещи скупщикам краденого.

«Дико психовал» — находился в состоянии сложнейших душевных переживаний.

«Сматываться отсюда» — переменить место жительства, место пребывания.

«Желтые дни» — дни сплошного невезения.

«Лежали в палатке и на зубариках играли» — лежа... в палатке, и... пытывая мучительн... чувство гол... да.

«Она мне врез...о шее» — пр... явление обычного ...нского кокетс... ва.

«Я их отшил» — ...тавил на сво... место, указал от... ...рот поворо... Классический прим...

Друг. Нельзя ли ...я прогулок
Подальше выбра... ...акоулок?
(А. С. Грибоед... «Горе от ума»)

«Фингал на фото...фии» — синя... на физиономии.

Поцелуй в пропеллер

В редакцию Крокодила ворвался молодой начинающий поэт. Неуловимым жестом факира он извлек из кармана листок бумаги и ликующим голосом воскликнул:

— Вот вы меня не печатаете, утверждаете, что я пишу туманно и непонятно!..

— А вас кто-то напечатал?— догадался литконсультант.— Поздравляю!

— Напечатали. Только не меня. Беллу Ахмадулину. О маленьких самолетиках. В «Литературной газете». Если у вас есть несколько минут, объясните мне, пожалуйста, смысл этих стихов.

Ах, мало мне другой заботы,
обременяющей чело,—
мне маленькие самолеты
все снятся, не пойму с чего.
Им все равно, как сниться мне:
то, как птенцы, с моей ладони
они зерно клюют, то в доме
живут, словно сверчки в стене.
Иль тычутся в меня они
носами глупыми — рыбешка
так ходит возле ног ребенка,
щекочет и смешит ступни.
То подле моего огня
они толкаются и слепнут,
читать мне не дают, и лепет
их крыльев трогает меня.
Или глаза открою — в ряд
все маленькие самолеты,
как маленькие Соломоны,
все знают и вокруг сидят.
Еще придумали — детьми
ко мне пришли и со слезами,
едва с моих колен слезали,
кричали: «На руки возьми!»
Прогонишь — снова тут как тут.
Вот стыд какой — из блеска
ваксы,
кося белком, за мной, как таксы,
тела их долгие плывут.
Что ж, он навек дарован мне —
сон жалостный, сон
современный,
и в нем ручной, несоразмерный
тот самолетик в глубине?
И все же, отрезвев от сна,
иду я на аэродромы
следить огромные те громы,
озвучившие времена.
Пока в преддверье высоты
всесильный действует пропеллер,
я думаю: ты все проверил,
мой маленький? Не вырос ты.
Ты здесь огромным серебром
всех обманул. На самом деле
ты—крошка, ты—дитя, ты еле
заметен там, на голубом.
И вот мерцаем мы с тобой
на разных полюсах
пространства.
Наверно, боязно расстаться
тебе со мной, такой большой?
Но там, куда ты вознесен,
во тьме всех позывных мелодий,
пускай мой добрый, странный
сон
хранит тебя, о самолетик!

Литконсультант устало вздохнул и принялся читать стихи о самолетиках снова. Потом прочел их еще раз. Потом еще раз, после чего сказал нерешительно:

— Видите ли, возможно... Белле Ахмадулиной в самолетах видятся маленькие, беззащитные существа...

— Аэрофлот эту мысль вряд ли поддержал бы,— вставил реплику подошедший фельетонист.— Мне тоже часто снятся самолеты, особенно после командировок. Но все, знаете, как-то больше в натуральном виде, преимущественно реактивные.

Вокруг стола образовалась целая группа сотрудников.

— Ну, это вы...ересчур пр... молинейно,— ск...л дру... фельетонист.— М... бабка бы... большой докой ... части сн... Я уверен, что он...ы правиль... истолковала это... современн... как выражается ...оэтесса, с... Раз самолетики просились ... руки, значит, с... к детям...

— Нет уж,— п...рвал его ли... консультант,— п...звольте м... при чем тут дет... если это вс... таки самолетики. Я не сомн... ваюсь, что даже ...етчицам де... не снятся ни в ви...е поршнев... или реактивны... самолетик... ни в виде шасс... ...или приборн... доски. Если пойт... по этому п...

Мартышкин труд

Говорят, что форма должна соответствовать содержанию. Это так. Но соответствует не всегда.

Кое-кто (замшелые ретрограды!) считает, что, например, книжная обложка должна, видите ли, каким-то образом перекликаться с самой книжкой, с ее основным смыслом, настроением, содержанием. Что, дескать, в общем, дважды два — четыре.

Однако в наш просвещенный век, когда некоторые треугольные груши бодро-весело вращаются вокруг здравого смысла по рифмованным параболам, дважды два не всегда четыре, а скорее сапоги всмятку.

Такая теперь кое у кого в моде модерная арифметика.

То же самое и с книжными обложками. Иной художник, принимаясь за оформление книги, только о том и помышляет, как бы напрочь лишить обложку всякой вразумительности и тем самым ввергнуть читателя в тягостное умопомрачение.

И кажется так, что нормальная человеческая книжка издана у нас, а обложка к ней как бы приплыла из заморского музея современного искусства.

Чтобы разобраться в этом загадочном вопросе, мы пригласили в редакцию кандидата подсознательных наук Геню Отвлеченного, известного покровителя модерных искусств. Мы дали ему четыре только что вышедшие в свет книги, предварительно заретушировав на обложках имена авторов и заглавия, дабы уже ничто не мешало блажен... созерца... чистого искусства. Книги такие

Ю. Бондарев. «Т...шина». Ро... Издательство «С...етский п... тель». Художник — ...). Клячко, ...дожественный ре...ктор — Е. Б... шева.

Я. Варшавск... «Встреча ... фильмом». Изда...ство «Ис... ство» (Москва). Художни... Ф. Збарский, художествен... редактор — Г. Ал...сандров.

Г. Козинцев. «Н...ш современ... Вильям Шекспир». Издатель... «Искусство» (Ле...нград). Ху... ник — Е. Михнов, художествен... редактор — М. Эткинд.

С. Львов. «Серд... слышит». ...дательство «Мо...дая гвард... Художник — Л. С...датов, худ... ственный редактор — Ю. Хамо...

Мы попросили Г. Отвлеченн... объяснить нам смысл обло... этих книг, сославшись на ... врожденное невежество.

— Узнаю Шекспира! Вил... как живой! — воскликнул он, ... зав вот на эту обложку:

но... созерцанию
ва. Книги такие:
«Т... шина». Роман.
«Со... етский писа-
к — ... Клячко, ху-
ред... тор — Е. Бала-

ни... «Встреча с
... ьство «Искус-
ва». Художник —
художественный
Александров.
«Наш современник
нр... Издательство
Ленинград). Худож-
в, художественный
Итинид.
рдце слышит». Из-
олодая гвардия».
Со... датов, художе-
тор — Ю. Хамов.
и Г. Отвлеченного
смысл обложек
павшись на свое
ежество.
експира! Вильям
скликнул он, ука-
бложку:

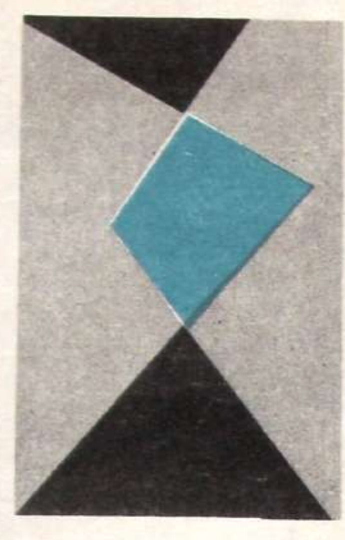
— Автор книги повествует о неувядаемой свежести шекспировского театра. Прелестно! Художник отобразил замысел автора этим трепетным растением, тянущимся в нашу пурпурную животрепещущую современность из угрюмой глуби окаменелых веков. Все это ясно, как божий день, и только такие олухи...

Мы вежливо прервали Отвлеченного, предложив ему следующую обложку:

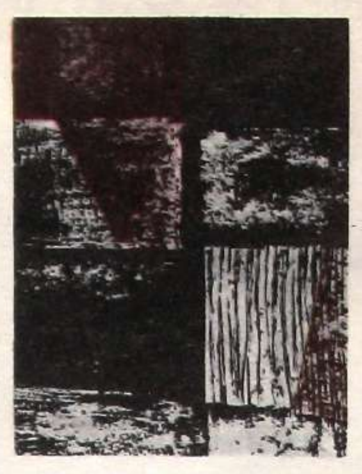
— Это, вне всякого сомнения, книжка очерков о наших днях, о трудных человеческих судьбах, о борениях и исканиях нашего современника,— защебетал Геня.— Эти черно-красные вихри очень экспрессивно символизируют напряженность борьбы светлого и мрачного — борьбы, кипящей в самих сердцах. Итак, это очерки Львова «Сердце слышит», и только такие твердолобые...

Мы опять *прервали* Геню, приковав его внимание к такой обложке:

— *Разумеется, это роман* «Тишина»,— мгновенно умозаключил он.— Мягкое сочетание пепельного и синего навевает ощущение послевоенных буден, мирной жизни, входящей снова в свое обычное русло... В то же время беспокойная асимметричность всей композиции как бы указывает на личную неустроенность героев романа, на те сложные жизненные ситуации, с которыми они сталкиваются. Это так же верно, как и то, что некоторым эстетическим тупицам...

Мы позволили себе еще раз вернуть Геню к теме нашей беседы, предъявив ему для опознания последнюю обложку:

Геня рассмеялся нам в лицо.

— Конечно, это книга Варшавского «Встреча с фильмом», повествующая о мастерах нашей кинематографии, об их победах и проблемах, дерзаниях и перспективах. Взгляните на эти смутные, бледно мерцающие квадраты — это не что иное, как намек на киноэкраны, таящие для читателя новые волнительные открытия и откровения. И если для плоского и примитивного рассудка...

Однако на этом миссия Гени Отвлеченного была завершена, и мы дали ему понять, что больше не нуждаемся в его квалифицированных услугах. И Геня, напялив пиджак наизнанку, удалился на четвереньках; теперь, говорят, это очень модно в некоторых оригинальных кругах.

И только тут мы обнаружили, что с самого начала Геня Отвлеченный перемешал и перепутал все обложки. И мы восстановили истину. Итак, первая обложка принадлежит...

А впрочем, не все ли равно? Разницы-то, в сущности, никакой.

Попробуйте тасовать такие обложки как угодно и лепить их с закрытыми глазами на какие хотите книги—от трагедий Эсхила до техминимума по водопроводному делу,— и вы убедитесь, что одна комбинация не менее нелепа, чем любая другая. И в то же время всякую обложку можно будет без труда «объяснить» при помощи ловкого универсального метода Гени Отвлеченного.

А *из этого неизбежно следует*, что перед нами подлинные образчики лихого формального трюкачества, начисто освобожденные от какого бы то ни было общепонятного смысла.

Ну, и что ж этим трюкачеством достигается?

Во-первых, достигается полнейшее недоумение и понятное раздражение рядового читателя.

Впрочем, до этого обстоятельства художникам М. Клячко, Ф. Збарскому, Е. Михнову, Л. Солдатову и их единомышленникам, понятно, никакого дела нет. Их, смеем утверждать, этот рядовой читатель попросту не интересует.

А интересует их другое. То, что во-вторых.

Чтобы Геня Отвлеченный их заметил. Наш Геня. А еще лучше тот, заморский. Чтобы кто-нибудь где-нибудь снисходительно обронил: «Мда-с. Вполне современно. На хорошем абстрактном уровне. Почти как у нашей гениальной обезьянки Бьюти».

Вот к этому мартышкиному уровню и устремляются, энергично работая кистями и локтями, некоторые наши художники.

А. ВИХРЕВ

...ересчур пря-
...и другой
...бабка была
...части снов.
...ы правильно
...современный,
...оэтесса, сон.
...просились на
...к детям...
...рвал его лит-
...вольте мне:
...если это все-
...! Я не сомне-
...етчицам дети
...е поршневых
...» самолетиков,
...или приборной
...по этому пу-

ти, то женщине-конструктору ребенок должен сниться в виде готовальни или кульмана. И кульманы, как дети, все лезли на руки ко мне! Нонсенс! Нет, поэтесса имела в виду скорее родство между человеком и техникой.

— Прекрасная мысль! — сказал фельетонист, подошедший первым.— Главное — это увидеть в технике живое существо. Тогда эта техника обязательно явится к вам ночью в самом неожиданном обличье. Вас будут по ночам обнимать блюминги, а прокатные станы играть с вами в жмурки...

— Почему обязательно в жмурки? — спросил второй фельетонист.— У Ахмадулиной самолетики и клюют зерно с ладони, и бегают за ней таксами, и живут в стене сверчками. Почему блюминги не могут клевать с ладони? Это же поэзия! Это же понимать надо!

— Друзья мои,— сказал литконсультант,— *вы* ударились в гнусную фрейдистскую мистику. В вас, кроме того, говорят фельетонисты, грубые, неотесанные натуры. Послушайте, какие чувства могут вызывать у истинного ценителя таланта Б. Ахмадулиной маленькие самолетики! Их жалко, они чем-то глубоко волнуют, они милы и симпатичны, ценителю хочется взять самолетик, прижать его к груди и поцеловать в пропеллер...

— А если это «ТУ-104»? — спросил первый фельетонист.

— Тогда в сопло. Видите? Эти стихи — призыв поэтессы к *бережному обращению* с техникой.

— Допустим,— вставил второй фельетонист,— допустим в качестве рабочей гипотезы. Но можно ли допускать, чтобы самолеты, как утверждает Белла Ахмадулина, толкались около огня и слепли? Хороша техника безопасности, нечего сказать!

— Вот что,— решительно сказал литконсультант,— давайте-ка обратимся к читателям.

— Правильно,— согласились все.— Пускай читатели сообщат нам свое мнение о смысле, заключенном в этих стихах.

З. ЮРЬЕВ

От редакции. Поскольку, как выяснилось, ни один сотрудник редакции не смог разобраться в стихах о самолетиках, мы обращаемся к читателям с просьбой помочь нам. Лучшие ответы будут опубликованы.

...ли в палатке, ис-
...ое чувство голо-

...а по шее»— про-
...енского кокетст-

...ставил на свое
...рот поворот.

...ля прогулок
...ть закоулок?
...в «Горе от ума»).
...афии» — синяк

«Кончай резину тянуть» — намек на то, что пора прекратить ненужный разговор.

«Стеша, захмели нас с товарищем» — обращенная к работнику общественного питания просьба сервировать стол.

«Как бобик сидел на бревнах» — буквальному толкованию не поддается. Аналогичная ситуация встречается в известном романсе:

«Ты сидишь одиноко и смотришь
с тоской,
Как печально камин догорает...»

«Простите, керя» — простите, мой дорогой, мой уважаемый друг.

«Давай греби отсюда» — иносказание. Выраженное в категорической форме *стремление* избавиться от нежелательного собеседника.

«Ох, сейчас мне отскочит биткa!» — опасение получить со стороны кого-то неожиданный удар.

«Ты что, рехнулся, дурака кусок?» — что ты, с ума сошел, глупенький?

«— Люська, скажи, ты честная?

— Да,— прошептала она» — современная форма объяснения в любви. Архаичные способы выражения чувства между влюбленными можно встретить в таких произведениях, как «Тристан и Изольда», «Ромео и Джульетта», «Фархад и Ширин», «Евгений Онегин», и некоторых других.

Примечание автора. Возможно, некоторым читателям повести «Апельсины из Марокко» мой словарик покажется неполным. Такая ситуация совершенно не исключена. Что ж, против добавлений возражать не приходится. Присылайте их в адрес Крокодила. Для сведения сообщаю: Гришка Косой после окончания следствия и суда уже выбыл из Москвы. Так что желающим прояснить некоторые другие непонятные слова и выражения в повести В. Аксенова придется поискать другого консультанта.

М. СЕМЕНОВ

ФИЛАНТРОПЫ С ОТМЫЧКОЙ

Бумеранг, старинное оружие австралийцев, славится тем, что возвращается к ногам метателя. Система бумеранга применяется ныне в Соединенных Штатах Америки при хитроумной операции, которая называется «помощью слаборазвитым странам».

* * *

Раскройте атлас и поищите на экваторе остров Кокосию. Сколько бы вы ни искали, не найдете. Этот остров и страна условные, типические.

Как у всякой страны, у Кокосии есть древняя, средняя и новая история. В древности на берегах резвились ихтиозавры, которые питались туземцами. Потом ихтиозавров сменили колонизаторы. Вожди племен, короли и султаны продавали рабов иностранным покупателям. Островом владели сначала португальцы, потом португальцев вытеснили голландцы, голландцев прогнали французы, французов — англичане.

Так пришло новое время. На острове совершились некоторые перемены. В Кокосии началось национально-освободительное движение. Вожди, короли и султаны стали президентами и членами парламента. Кокосия потребовала признания своей независимости.

Когда последние английские корабли покидали Кокосию, англичане стояли на палубе, потрясали кулаками, осыпали кокосцев проклятиями и обещаниями вернуться. Но они не вернулись. Казалось, страна совершенно свободна от грабителей-чужеземцев.

Но как-то незаметно на острове оказался американский консул мистер Смит. Он развязно и дружелюбно хлопал президента Кокосии по плечу и ласково называл кокосцев чернопузиками. Однажды он сказал президенту:

— Слушай, старина, американцы очень любят вас и жалеют о том, что вы бедны и отсталы. Они хотят помочь вам.

Президент насторожился.

— А что мы должны сделать, чтобы получить вашу помощь?

— Пустяки, — сказал Смит, — только подать заявление в Вашингтон и арестовать своих коммунистов.

Президент огорчился.

— Заявление мы как-нибудь напишем, найдем грамотного человека, а зачем нам прятать в тюрьму наших коммунистов? Они хорошие ребята и очень хорошо боролись за независимость.

— Вот это и нехорошо, что очень хорошо,— сухо сказал Смит.— Коротко говоря, одно из двух: либо 25 миллионов долларов, но коммунистов в тюрьму, либо кукиш на кокосовом масле. Выбирайте.

Сделка состоялась. Президент Кокосии подумал о себе, о своих доходах, его министры подумали о себе, о своих доходах, члены парламента тоже подумали о себе.

Все тюремные помещения были заполнены коммунистами и теми, кто хотя и не был коммунистом, но был похож на коммуниста.

* * *

Закон о помощи бедной Кокосии проскочил через сенат со скоростью хорошо смазанной молнии. Представители Капитолия произносили речи, в которых цитатами из библии подтверждали, что господь бог для того и создал Кокосию, чтобы США могли помочь ей.

В управлении международной помощи и в большом международном банке были заведены пудовые гроссбухи. На левой стороне каждой страницы было написано, сколько получено, а на правой — сколько дадено. Получено было на помощь Кокосии 25 миллионов долларов, из них на организационные и посреднические операции-махинации — около 2 миллионов долларов. Сюда вошло то, что было дадено посредникам, маклерам, газетам, журналам и бедным американским сенаторам. Это был первый расход в долларах для помощи Кокосии. Все израсходованные доллары полностью остались в США и разошлись по разным банкам.

В одно из управлений Белого дома пришли изящные джентльмены. Это были представители самой могущественной фирмы, изготовляющей вооружение. Они омочили Белый дом обильными слезами. По их словам, производству вооружений в США грозит крах, если правительство не придет на помощь. На складах фирмы скопилось оружия на многие миллионы долларов, а покупателей нет. Что делать?

Молодые люди из Белого дома вынули носовые платки и вытерли глаза бедным капиталистам.

— Не плачьте,— сказали сострадательные молодые люди,— правительство вам поможет. Вот вам договор на поставку оружия Кокосии. На 3 миллиона долларов.

В пудовых гроссбухах под рубрикой «Помощь Кокосии» появилась вторая запись: на вооружение страны всеми видами оружия — 3 миллиона долларов. Когда капиталисты уходили из Белого дома, на их лицах играла приятная улыбка.

А через некоторое время к берегам Кокосии пришли большие транспорты и стали выгружать ящики с оружием.

— Что это такое? — спрашивали в недоумении жители и правители Кокосии.— На что нам это старое оружейное барахло? Мы об этом не просили.

Консул мистер Смит, он уже был, впрочем, послом, сказал:

— Это вам помощь. Цивилизованная нация должна обладать оружием.

— Но как мы можем заплатить за эту вашу помощь нашей цивилизации?

— Не беспокойтесь,— возразил мистер Смит,— уже все оплачено из средств помощи. Расчеты произведены в США.

Кокосцы вздыхали и вооружались. Было арестовано еще некоторое число лиц, похожих на коммунистов.

Следующая запись в пудовых гроссбухах гласила: помощь Кокосии на капитальное строительство — 5 миллионов. Были развернуты обширные работы по строительству превосходных многоэтажных зданий. Был выстроен прекрасный дом для посольства США в парке с фонтанами и бассейнами, небоскреб для торговых контор и представительств США, 20-этажный отель для американских туристов, большой дворец для президента Кокосии и домакоттеджи для кокосских сенаторов. Были построены роскошные рестораны, бары, дансинги, асфальтирована главная улица... Но коренные жители Кокосии продолжали ютиться в соломенных хижинах среди невообразимой грязи и вони.

В парламенте Кокосии поднимали вопрос о строительстве школ и больниц, техникумов и университета. На это было ассигновано несколько сот тысяч долларов из фонда помощи. Однако начатое строительство не было доведено до конца. Американская фирма, которая обязалась выстроить эти культурные очаги, рассчитала, что несравненно выгоднее вложить средства в сооружение публичного дома-небоскреба.

История помощи Кокосии оборвалась сразу и неожиданно. Это произошло, когда в Белый дом обратились за помощью монополисты по производству зубного порошка. Они жаловались на плохие дела и просили оказать им помощь, чтобы не пришлось урезывать дивиденды владельцам акций. Им сказали:

— Милостивые государи, к сожалению, вы опоздали. Конечно, мы рады были бы прийти вам на помощь, так как Кокосия ни в чем так не нуждается, как в зубном порошке. Однако все средства уже иссякли. 25 миллионов долларов истрачены до последнего цента.

Вся американская печать закричала о необходимости возобновить помощь бедной, нуждающейся Кокосии, и посол Смит получил директиву от государственного департамента. Вашингтон предлагал правительству Кокосии подать новое заявление об оказании помощи.

В ответ на это в государственный департамент поступила шифрованная телеграмма от посла Смита:

«Дело с помощью обстоит неважно. В данный момент перед нашим посольством проходит демонстрация студентов. Они несут плакаты с надписями: «Янки, убирайтесь домой!», «Нам не нужна ваша помощь!». Правительство Кокосии, обвиняемое в продажности, прячется в здании посольства. Президент ночует у меня в кабинете. Министры спят в передней на полу. Положение тревожное. Помощь Кокосии можно оказать только с помощью десанта морской пехоты».

В американских газетах появились статьи с крупнокалиберной бранью по адресу Кокосии, которая ответила Соединенным Штатам Америки черной неблагодарностью.

Но слышались и отдельные трезвые голоса. Например, представитель штата Аляска в сенате США Грюнинг так сказал об американской помощи слаборазвитым странам: «На протяжении многих лет на глазах у всех совершалось двойное жульничество. Вытаскивали миллионы долларов из кармана американских налогоплательщиков, покупали на эти деньги устаревшее оружие и сплавляли эту рухлядь в Латинскую Америку под видом «помощи».

Председатель подкомиссии палаты представителей по вопросам помощи иностранным государствам Отто Пасмен (демократ от штата Луизиана) говорил: «Почти в любой стране, где я побывал, можно найти некоторое число влиятельных людей, которые стремятся заполучить наличные деньги, и кончается это тем, что деньги оказываются в каком-нибудь банке США или Швейцарии».

Цитаты подлинные. Все прочее — наш комментарий.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

КРАСНАЯ ШАПОЧКА: — А почему у тебя такие острые зубы?

Рисунок Ю. ГАНФА

ТОЩИЙ СИМВОЛ

ЛОНДОН. Британское казначейство пустило в оборот новые пятифунтовые купюры. Счастливые обладатели хрустящих бумажек с удивлением обнаружили, что символ Британии, прежде украшавший бумажные деньги, изменился странным образом. Вместо пухлой матроны средних лет на деньгах появилась тощенькая девица. Пресса встретила новый символ Британии неодобрительно. «Не очень-то царственная молодая леди»,— проворчала «Дейли геральд». Однако, если учесть, что в последние годы британское царство значительно «усохло» в размерах и утратило свой вес в мировых делах, нельзя не признать, что худосочная мисс точнее отражает действительное положение вещей.

С КОСМИЧЕСКОЙ СКОРОСТЬЮ

НЬЮ-ЙОРК. Американский космонавт Джон Гленн принял недавно участие в полицейском патрульном рейде.

С 10 вечера до 3 часов ночи Гленн успел совершить следующие подвиги: вместе с полицейскими доставил арестованного в тюрьму, уладил драку между мужем и женой, расследовал причины одной поножовщины и выгнал из парка парочку наркоманов.

Привлечение космонавта к полицейской службе объясняется тем, что количество преступлений в США растет с космической скоростью.

ЛОШАДИНЫЕ ПРИЛИЧИЯ

ВАШИНГТОН. На днях возле Белого дома появились пикеты «Общества борьбы против непристойно голых животных». Пикетчики решительно потребовали, чтобы супруга и дочь президента, выезжая на прогулки верхом, надевали на своих лошадей штаны или юбки. Ответа со стороны Белого дома пока еще не поступило.

ПРОХОДЯТ АНГЛИЮ...

В теории...

и на практике.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

БЕШЕНЫЙ

«Можно, наверное, доказать цифрами и фактами, что нет более типично американской категории преступников, чем члены конгресса»,— такое предположение выдвинул Марк Твен в своей книге «По экватору». Книга была закончена 18 мая 1897 года. А ровно через три года, в тот же самый майский день, в небольшом городишке Лима, под Нью-Йорком, появилось на свет одно из самых веских и наглядных доказательств правоты вышеупомянутого тезиса американского сатирика. Нареченное Кеннетом Б. Китингом, это доказательство своевременно покинуло пеленки, затем колледж в городе Рочестере и правовой факультет в Гарварде.

Нынешнего сенатора Соединенных Штатов Китинга многие собаки обегают стороной. Судя по последним выступлениям, от него всего можно ожидать. А ведь не каждому псу под силу отвести своего хозяина в лечебницу и заставить раскошелиться на патентованную прививку от бешенства.

Кеннет Б. Китинг наводит страх не только на четвероногих. Когда его поджарая, протяженностью в пять футов и девять дюймов фигура взбирается на сенатскую трибуну, коллеги замирают: куда их призовет на этот раз мистер Китинг?

Правда, чаще всего Китинг призывает в одном направлении: «Вперед на Кубу!»

Если верить древнеримским сенаторам, их коллега мистер Катон прожужжал им в тогдашнем Капитолии все уши требованием немедленно разрушить Карфаген. Мистер Китинг в Капитолии вашингтонском не менее категорично повелевает разрушить Кубу. Тотчас же. Даже если понадобится промаршировать по трупам таких «агентов Фиделя Кастро», как президент Кеннеди, министр обороны Макнамара и шеф Центрального разведывательного управления Джон Маккоун.

«Мы должны действовать с той же решимостью, как в Южной Корее,— заявляет Китинг.— То есть вмешаться!» Так он говорит в марте 1963 года. Так он говорил и в прошлом году, в те труднейшие семь дней кубинского кризиса, когда едва не развернулась пляска атомной смерти. Если бы Китинг оказался пророком в своем отечестве, что бы осталось от юридической фирмы «Харрис, Бич, Китинг, Вилькокс и Дэйл», и от ее филиала в сенате Соединенных Штатов, и от самих Соединенных Штатов!..

Может быть, и носилась бы где-нибудь по ветру пестрая бабочка, неизменно украшающая парадный костюм мистера Китинга, но вряд ли это было бы достаточной компенсацией за плачевный исход кубинской авантюры.

Но факт остается фактом: мир Китинга не устраивает. Его не удовлетворяет и «холодная война». Бригадный генерал запаса, дослужившийся до этого звания в 1948 году в канцеляриях американских войск на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, рвется в бой, как камень из пращи. А камни обычно не принимают во внимание даже то обстоятельство, что ими начинают бросаться владельцы стеклянных домов.

Из практики мировой психиатрии известно, что лица, страдающие маниакальной формой душевного расстройства, не отступают от узкопрофессиональной специализации. Ни один уважающий себя Наполеон не исполняет по совместительству функции чайника. И ни один чайник, в свою очередь, не снизойдет до того, чтобы снимать воображаемую треуголку и превращать больничную палату в Аустерлиц. Китинг блестяще опровергает многовековой опыт. В промежутках между словесными налетами на Кубу он занимается даже экономическими вопросами. Именно юридическая подкомиссия сенатора Китинга рассматривала вопрос о торговле с Советским Союзом и сочиняла знаменитые списки «стратегических товаров», запрещенных для вывоза в социалистические страны.

Вне этого списка пока еще остаются брючные пуговицы, искусственный лед и консервы из птеродактилей. Но только до тех пор, пока Китингу не удастся расправиться с внутренней оппозицией. «Лично я считаю,— высказался сенатор,— что нужно запретить всякий экспорт в страны советского блока».

И вообще закрыть Советский Союз. Открыть же, и притом снова «немедленно», Латвию, Литву и Эстонию в том виде, в каком они существовали к сорокалетию Китинга, на 18 мая 1940 года и ни месяцем позже. Такую резолюцию недавно внес Кеннет Б. Китинг в сенат Соединенных Штатов.

Возможно, у кого-нибудь зародится сомнение: а не исключение ли составляет этот патологический тип Китинг, на фоне других, здравомыслящих американских конгрессменов? К сожалению, придется разочаровать такого оптимиста. Сенаторов, идущих за Китингом, довольно много. Стеннис, Додд, Голдуотер — все они готовы при удобном случае перещеголять адвоката из Рочестера в политическом бешенстве. К тому же, как пишет много знающий журналист Дрю Пирсон, «когда мы слышим голос Китинга, в качестве суфлера выступает Рокфеллер».

Таким образом, бешенство, распространившееся в американском конгрессе, обладает опасными для всего человечества свойствами.

Члены общества «Друг животных» могут умиляться в связи с открытием близ английского города Дувра психиатрической лечебницы для кошек. Почему бы американским меценатам не посрамить своих английских друзей и не оборудовать в срочном порядке соответствующее заведение для сенаторов? Правда, бригада Китинга понесет при этом огромные потери, начиная с самого генерала. Республиканской партии придется тогда искать новых лидеров. Но пора бы понять, что «бешеные республиканские слоны» на шахматной доске США способны привести Америку к непоправимому проигрышу.

Л. КЕДРИН

Паруйр **МХИТАРЯН**

Я — КРАСНЫЙ СВЕТ

Честно говоря, я давно хотел рассказать об этом, но, признаться, робел, думал: высмеют. Но больше уже не могу терпеть. Расскажу — будь, что будет. Пусть все знают, особенно молодежь. Итак, слушайте.

Случилось так, что я решил жениться. Решил окончательно и бесповоротно. Это произошло после того, как младший брат сказал мне:

— Ты для меня все равно, что красный свет светофора. Как младший в семье, я не могу жениться раньше тебя, а ты все тянешь. Женись, чтобы и мне дорогу открыть. Хватит, я больше ждать не могу!

Он был прав. Бросив все дела, я стал искать невесту.

Как-то вечером я стоял в очереди за билетом в кино. Вдруг кто-то коснулся моей руки и прошептал:

— Простите, молодой человек, не возьмете ли для меня один билет?

Я оглянулся и пришел в неописуемый восторг. Это была красавица, настоящая фея с черными глазами и фигурой лани. Признаться, я даже смутился. Не знал, что делать: любоваться ли ею молча или ответить на ее вопрос? Мне хотелось крикнуть: «Не только один, девушка, но и тысячу билетов готов купить для вас!» Но, вспомнив, что больше четырех билетов в одни руки не дают, смолчал.

В кино мы сидели рядом. Она смотрела на целующуюся в фильме парочку, а я на нее. Хотел заговорить с ней, но мешали опоздавшие.

— Как я им завидую,— промолвил я наконец.

— Кому? Опоздавшим? — спросила она, смеясь.

— Нет, артистам. Женятся без всяких сватов и загса, на ком хотят, целуются, когда хотят, а разводятся — ни объявления в газету не дают, ни алиментов не платят. Квартиры у них просторные, и получают они жилье без всяких там райсоветов...

Она снова рассмеялась и сказала:

— Это уж благодаря режиссеру.

Так мы познакомились, а потом и подружились. Встречались почти каждый день. Я чувствовал себя самым счастливым человеком в Ереване и благословлял ту очередь, в которой встретил Асмик (так звали мою фею). Теперь мне казалось, что самая лучшая вещь на свете — очередь. Была ли очередь за кишмишом или у автобуса, для меня все равно — я мог стоять в ней часами.

Но... недолго это длилось. Однажды вечером, когда я проводил ее до дому, Асмик, как и всегда, положила свою нежную руку на мою, улыбнулась и сказала:

— Знаешь, я хочу выйти замуж.

— Замуж?! — крикнул я от радости.— Конечно, замуж, обязательно замуж!

— Какой ты славный! Так и знала, что не обидишься на меня...

— Обижаться? Это такое счастье!..

— Да, я думаю, что буду счастлива. Он архитектор. Я познакомлю вас. Очень хороший парень, работает в «Ереванпроекте».

— Что, что?!

— Ну, до свидания, милый,— сказала она и, как всегда, легко взбежала вверх по лестнице.

Я пришел в себя только через несколько дней. Выяснилось, что Асмик поссорилась со своим женихом из-за высоты мужских каблуков и, чтобы вызвать его ревность, подружилась со мной. Другими словами, я, несчастный, выступал в качестве объекта ревности. Представляете? Вот почему она заставляла меня ходить с ней обязательно под руку вокруг да около «Ереванпроекта».

Коварный поступок Асмик огорчил моего брата больше, чем меня самого. Бедняга, с нетерпением ожидавший нашей скорой свадьбы, махнул рукой и сказал:

— Я же говорю, что ты красный свет.

И мне пришлось искать невесту, как говорят, с удвоенной энергией. Ведь кто ищет, тот всегда найдет. И действительно, всего лишь за одну неделю безо всякой очереди я познакомился с новой феей — Гоар. Правда, у Гоар не было таких глаз, как у Асмик, но зато она была очень простодушной девушкой, верила всему, что ей ни скажешь. Вот это и испортило все дело.

Как-то на свидание явилась не Гоар, а ее младший брат. «Наверное, бедняжка заболела»,— подумал я, и сердце мое учащенно забилось. Но малыш подошел ко мне без всякого сердцебиения, протянул конверт и ушел.

«Забудьте меня,— было написано на клочке бумаги,— я выхожу замуж. Что делать, когда мать говорит: «Контролер не может быть хорошим зятем, он и дома будет все контролировать». А папа, который работает заведующим магазином и знает контролеров еще лучше, сказал: «Хороший человек в контролеры не пошел бы». Простите, но я не могла не прислушаться к тому, что говорят мои родители. Гоар».

Что мне оставалось делать? Снова пришлось возобновить поиски, на этот раз долгие и безрезультатные. Дело дошло до того, что я вынужден был уже следить за объявлениями о разводе в надежде жениться на одной из разведенных, лишь бы кончились мои мытарства и я перестал быть красным светом для моего брата.

Наконец у меня появилась третья невеста — дочь наших соседей, по имени Ивета, или, как ее называли родные, просто Ивик. Смелая была девушка Ивик. Уже спустя несколько дней после того, как мы подружились, она запросто приходила к нам домой, беседовала с матерью, иногда даже помогала ей выгонять мух из комнат. И вдруг Ивета перестала появляться. Это меня напугало. Я решил встретиться с ней и предложить немедленно пожениться, пока еще ничего не случилось. Но она уклонялась от встреч. А в один из субботних вечеров из окон ее дома донеслись до меня веселые звуки свадебной музыки. Я заткнул уши. Но какая от этого польза? Не мог же я заткнуть уши всем своим домочадцам! Хорошо, что брата не было дома, а то я представляю, как бы он съехидничал:

— Красный свет! Неугасимый красный свет!

Встретив тетку Ивик, моя мать упрекнула ее племянницу за легкомысленный поступок.

— Ну, видите ли, ваш сын был у Иветы на втором плане, так сказать, женихом в запасе. Так что не надо обижаться.

Про офицера в запасе я слышал, про запасные части — тоже, но чтобы был жених в запасе,— никогда. Боже мой, чего только не услышишь и не увидишь!

После случая с Иветой я прекратил всякие поиски и проходил мимо девушек с совершенно безразличным видом. Что из того, что меня повысили в должности и теперь я старший контролер? Люди значительнее меня не женились — Гоголь, Шопенгауэр... Почему же и я не могу обойтись без жены?

На следующий день после свадьбы Ивик я вышел на работу в плохом настроении: в ушах еще звучал проклятый кларнет. Моя секретарша, девушка лет сорока, посмотрела на меня, улыбнулась и, не смущаясь посторонних, попросила:

— Погуляйте и со мной месяца два или три. Вам же это ничего не стоит. Может быть, с вашей легкой руки мне тоже улыбнется счастье, и я выйду замуж.

Я хотел послать ее к черту, но смолчал. Она была права.

Сейчас я уже не столько думаю о себе, сколько о брате. Бедный парень! Действительно, я — красный свет.

Перевод с армянского.

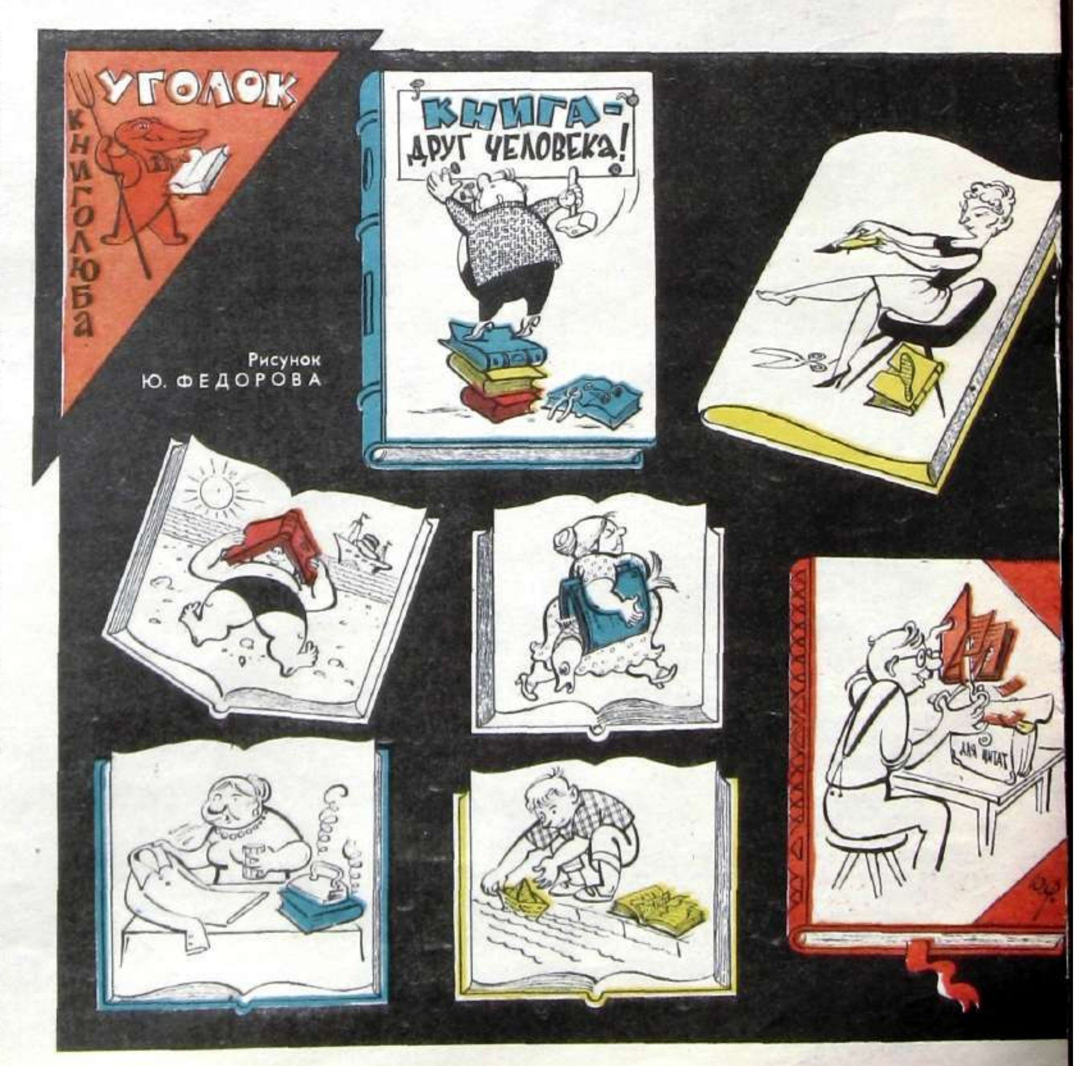

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

— Хорошая декорация на вашей сцене!
— Если бы декорация!..

Рисунок Бориса ЛЕО

Яков КОСТЮКОВСКИЙ

БРАТ — БРАТУ

В Москву приехал
К брату брат —
Бухгалтер из Тагила.
И брату брат
Был очень рад,
И было очень мило.
Ждал брата брат
Три дня подряд:
Путь из Тагила долог.
И вот дождался
Брата брат —
Столичный стоматолог.

И брата брат
Водил стократ
В кино, дворцы и клубы.
И даже вставил
Брату брат
Искусственные зубы.
И побывали
С братом брат
В московских магазинах,
И брату брат
Купил там ряд
Наряднейших новинок.

И надоумил
Брата брат
Обмыть тотчас обновки,
И брату брат —
Эх, невпопад! —
Купил две поллитровки.

И с братом брат
Продлить обряд
Пошли, шатаясь, в «Каму»,
Потом кутили
С братом брат
В «Арагви» и «Динамо».

И стал молить тут
Брата брат,
Того, что жил в Тагиле,
И брата брат
Стал звать назад,
Мол, все уже обмыли.

Но не согласен
С братом брат:
«Торопишься, голуба,
Как брату брат,
Купи «Мускат»,
Мои обмоем зубы».

Стал в «Арарат»
Гнать брата брат,
И в «Метрополь», и в «Каму»,
Стал брата брат
За горло брать
И вспоминать про маму.

Но по зубам
Дал брату брат,
Тому, что из Тагила,
И с братом брат
Уже лежат,
Эх, братская могила!

И вот приподнял
Брата брат —
Столичный стоматолог:
«Как брату брат,
Скажу, я гад,
Я жадина и олух.
Я виноват.
Как брату брат,
Прости отказ мой грубый».
И брату брат
Купил «Мускат»
Обмыть вставные зубы.

Но так ответил
Брату брат
И улыбнулся кисло:
«Как с братом брат
Обмыть их рад,
Теперь нет в этом смысла».
И брату брат
Вернул «Мускат»
И потихоньку убыл...

Что обмывать,
Коль брату брат
Вставные выбил зубы!

Бутылка в перчатке

Уважаемый Крокодил! Мы у себя на Камчатке не жалеем сил для выполнения семилетки, трудимся, можно сказать, на совесть. Но только нам очень обидно. Председатель нашего рыболовецкого кооператива А. Мосол обращается с нами, как миссионер с туземцами. Привез несколько машин вина и продает его с нагрузкой: две бутылки вина и книга в придачу. Будто мы без вина и книг не покупаем. А недавно привезли в магазины женские перчатки, так он их пустил в продажу с другой нагрузкой: мужскими рубашками самого большого размера.

Приходится нам за покупками через речку ездить, в другие кооперативы.

Н. БЕРЕЗИН, капитан экипажа коммунистического труда сплаврейда; **А. СМЕРДОВ**, бригадир сплотки, ударник коммунистического труда; **В. САМХАНОВ**, моторист, и другие.

г. Усть-Камчатск.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«В соответствии с Вашим письмом в отношение нашего согласия на подключение к нашему тупику от нашей стрелки для проведения параллельно Вашему тупику для Вашего строительства по сливу молока настоящим сообщаем, что учитывая важность проведения Вашего тупика, мы не возражаем против Вашего предложения и подключения».

(Из служебного письма).
Прислала **В. ЛЕБЕДИНСКАЯ.**

Краснодарский край.

«И только перед гонгом Ю. Волков, получив пас от Иванова, стремительно пошел от синей линии, превосходно обыграл двух защитников и неотразимым броском вернул на площадку удаленного игрока...»

(Из газеты «Советский спорт»).
Доставил **М. ВАЙСБОРД.**

г. Москва.

«СЛУШАЛИ: Разбор персонального дела — дремота на посту тов. Мироненко.
ПОСТАНОВИЛИ: При заступлении на пост проверять тов. Мироненко, как он одевается на пост, и лишнюю одежду сымать».

Записал **В. СЕРЕГИН.**

г. Сухуми.

Десять строк, которые потрясли мир

Газета «Белгородская правда» 26 февраля в статье «Организовать внедрение передового опыта» очень скромно, без шума и нездоровой сенсации, преподносит новость, которая действительно способна потрясти умы:

«...В Ракитянском производственном управлении больших успехов достигла на откорме свинарка совхоза имени Ленина Нина Егоровна Маширова... В прошлом году т. Маширова откормила и сдала государству 2 008 свиней весом по **90—100 центнеров...** (Подчеркнуто не «Белг. правдой», а мною.— Крокодил). Однако опыт знатной свинарки не нашел еще массового распространения...»

В последнем мы не согласны с газетой. Зачем распространять такой опыт? Усилиями одного упомянутого совхоза мы за короткое время буквально будем завалены колбасами, сардельками, шпигом и прочей свининой. А свинари других хозяйств могут спокойно заняться чем-нибудь другим.

Происшествия

САМОГОН ПОД ПСЕВДОНИМОМ

Гражданина Ермака М. И. судили. За самогоноварение. И осудили, несмотря на все старания адвоката Симановского Е. И. «Рано отчаиваться,— сказал Симановский Ермаку.— Мы докажем вашу непорочность в высшей инстанции». И на свет появился вот такой документ:

«В судебную коллегию по уголовным делам Гродненского областного суда.

Кассационная жалоба

Приговор народного суда Островецкого района... является неправильным, а поэтому прошу его отменить по следующим основаниям.

Осужденный Ермак из 8 кг муки и 4 кг картофеля расчинил смесь для изготовления кваса.

На предварительном и судебном следствии он пояснил, что квас делает *не впервые, который заменяет* ему молоко.

В момент обнаружения... смеси из картофеля, она была горячей, смеси было 0,5 изъято направлено на лабораторное исследование, где дали заключение, что содержимое имеет запах самогона без всякой крепости...

Заключение лаборатории является неправильным, т. к. если определили запах самогона, то должна быть минимальная крепость хотя бы 1—2 *градуса*, однако этого нет... Обнаруженная трубка, якобы от самогонного аппарата на чердаке бани, не может служить доказательством вины осужденного, т. к. баня не принадлежит осужденному...

На основании изложенного я прошу Гродненский облсуд приговор нарсуда отменить и дело... производством прекратить.

По поручению осужденного составил и подписал адвокат Симановский».

Разработанная Симановским «теория» превращения самогонной браги в квас не получила признания в Гродненском областном суде. Приговор в отношении непорочного любителя кваса М. И. Ермака оставлен без изменения. Придется ему уплатить 175 рублей штрафа. Что касается Симановского, то следовало бы ходатайствовать о присвоении ему степени кандидата самогонокквасоведения. Старался ведь человек, открытие, можно сказать, сделал.

Ю. М.

ЧТО НОВОГО В САТИРИЧЕСКОМ ЦЕХЕ

АЛЬБОМ БАСЕН С. МИХАЛКОВА с красочными иллюстрациями *А. Лаптева вышел* в издательстве «Московский рабочий».

УКРАИНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ И БАСНИ с рисунками В. Форостецкого выпущены Львовским книгоиздательством.

«НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОБИНЗОНА» *живописал в очередном* сборнике Библиотеки Крокодила фельетонист **А. ГОЛУБ.**

«И С МЕДОМ И С ПЕРЦЕМ» написал В. Лагоза новую книгу юморесок. Она вышла в Харьковском книгоиздательстве.

В Таллине выпущен альбом эстонского карикатуриста Э. Пихо. Посмотрите на его рисунки. Не правда ли, смешные?

— Везде развелись эти подхалимы!

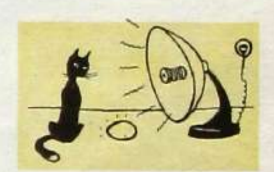

Воспитание характера.

— Пожалуйста, книга жалоб в том шкафу!

Оптимист.

— А не дешевле ли пилой!

Безработные.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 00054. Изд. № 166. Подписано к печати 19/III 1963 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Тираж 1 700 000 экз. Заказ № 674. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70436

После государственного переворота в Ираке в западной и арабской печати появились сообщения о причастности к нему империалистических сил и, в частности, лиц, связанных с нефтяными монополиями.

КРОВНО ЗАИНТЕРЕСОВАННАЯ СТОРОНА

Рисунок Бориса Лео